

Уж ты раньше меня да не боялась,
 Уж ты раньше меня да не страшилась.
 Уж ты что теперь да боишься,
 Уж ты что теперь да страшишься?...
 (Лирика русской свадьбы, с. 225, 295).

- ¹¹ Великорус в своих песнях..., с. 469.
¹² Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия, вып. 1. М., 1911, с. 78, № 11 (3).
 Записано на Мезени.
¹³ Кувшин и кубок в этой сцене, вероятно, не менее достоверны, чем прическа и
 одежда. Кувшин, скорее всего, глиняный, желтого цвета, с волнистым орнамен-
 том и перемычкой, поддерживающей длинный носик; конический кубок без под-
 допа, архаичной формы, восходящей к рогу, с крышечкой, как и у кувшина.
¹⁴ Великорус в своих песнях..., с. 589, № 1943; Лирика русской свадьбы, с. 188—190,
 № 386, 388—391.
¹⁵ Лирика русской свадьбы, с. 198—199, № 410—413.
¹⁶ Лирика русской свадьбы, с. 108—110, № 208.
¹⁷ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в трех томах, т. 2 и 3. М., 1957, № 267—
 269, 570.
¹⁸ Воронов В. С. Крестьянское искусство. М., 1924, с. 74; 68—70.
¹⁹ Просвирина С. К., Жегалова С. К. Расписные сундуки XVI—XVIII вв., илл. 12—
 19 (сундучки), 33 (дверца шкафа).
²⁰ Просвирина С. К., Жегалова С. К. Расписные сундуки XVI—XVIII вв., илл. 2—3,
 6—8, 20.
²¹ Просвирина С. К., Жегалова С. К. Расписные сундуки XVI—XVIII вв., илл. 9, 19.
²² Просвирина С. К., Жегалова С. К. Расписные сундуки XVI—XVIII вв., илл. 7—8,
 10, 14, 16, 19.
²³ Жегалова С. К. Русская народная живопись, с. 100.
²⁴ По Переписным книгам Ростова Великого 1691 г. известны посадский человек
 Богдан Шапов, сокольи помытчики Микита и Киприян Шаповы (Дозорные и пе-
 реписные книги древнего Ростова Великого. М., 1880, с. 23, 24, 37). Они и их
 потомки упоминаются и позднее (Ростов. Материалы по истории города XVII и
 XVIII столетий. М., 1884, с. 25).

В. И. КОРЕЦКИЙ

ПЕРВОЕ ПИСЬМО В. Н. ТАТИЩЕВА О СОЗДАНИИ «ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ»

Письма В. Н. Татищева являются важным источ-
 ником не только для изучения его биографии, но и его творчества. Осо-
 бую ценность представляют они для ранней стадии работы над знамени-
 той «Историей Российской», ибо первоначальных рукописей ее за исклю-
 чением «Преддзвещения», да и то в немецком переводе, до нас не дошло.
 Публикуемое письмо от 21 ноября 1739 г., адресованное И. Д. Шумахеру,
 советнику Канцелярии Академии, с которым В. Н. Татищев переписывал-
 ся до конца своих дней, в какой-то мере восполняет этот пробел.

До сего времени в литературе известны были два довольно кратких
 письма В. Н. Татищева к И. Д. Шумахеру, связанные с тем этапом рабо-
 ты над «Историей Российской», когда она стала приобретать пусть не-

окончательные, но уже более или менее законченные формы, и историк счел возможным вынести некоторые ее разделы на суд академических ученых. Одно из них отнесено А. И. Андреевым приблизительно «к концу 1739 г.»¹ и призвано было сопроводить «Примечания на Гисторию», которые В. Н. Татищев просил И. Д. Шумахера, «переведши», «сообщить кому в посторонних Гисториях лучше сведу[щу], чему чтоб исправил и по его искусству дополнил». Здесь же он сообщал, что «если надобна и Гистория, то можете брать по несколько тетрадей и списывать, понеже у меня немного оной переписано затем, что писца путного достать не могу. Какие дали все сослал, а у меня ни одного не осталось. Прошу оным меня пожаловать». Здесь В. Н. Татищев сделал знаменательную приписку, свидетельствующую о том, что он ранее, до этого письма, уже «ссылался» с И. Д. Шумахером по поводу «Истории Российской» и послал ему какие-то разделы (или раздел) ее: «При сем же послал *дополнку к преждему*» (курсив наш.— В. К.)².

Другое письмо датировано 14 января 1740 г. В начале его говорится о посылке при нем в Академию наук «древних законов для напечатания», которые предлагалось рассматривать как 1-ю часть «Собрания русских древностей». 2-ю часть этого «Собрания» могли, по мысли В. Н. Татищева, составить «духовные великих князей», 3-ю — «некоторые старинные грамоты», 4-ю — «соборы, бывшие в Руси». «Итак,— заключал он,— оныи (исторические материалы не летописного, документального порядка.— В. К.) с таких вещей собирать, которые в гисториях (основанных на летописных и других нарративных источниках.— В. К.) вносить неудобно».

По справедливому замечанию А. И. Юхта, это предложение В. Н. Татищева, в основном было осуществлено Академией наук лишь в 1786—1801 гг. в «Продолжении древней российской вивлиофики»³.

Вслед за известием о посылке своего «Свода древних русских законов» редакции 1740 г. и далеко идущего проекта публикации источников документального характера В. Н. Татищев вновь возвращался к «Истории Российской»: «При сем же посылаю Гистории 13 тетрадей, которые при исправлении Примечаний мне надобны, но чтоб не измарали прикажите списать бережно, а я, сколько набело перепишу, буду присылать. А доколе Предъизвесчение на мере поставлено не будет, регистров сочинить не можно».

В конце письма В. Н. Татищев просил прислать ему посланное им ранее в Академию наук «письмо царя Иоанна Васильевича», если с него сделан список⁴.

Из письма от 14 января 1740 г. следовало (и это было отмечено в литературе), что «Предъизвесчение» уже было послано В. Н. Татищевым И. Д. Шумахеру. Но когда же? Как мы отметили выше, при письме, датированном концом 1739 г., посылалась какая-то «дополнка к преждему» (материалу, связанному с «Историей Российской».— В. К.). О чем же здесь шла речь?

Публикуемое письмо В. Н. Татищева к И. Д. Шумахеру от 21 ноября 1739 г. позволяет ответить не только на эти вопросы, но и на другие, относящиеся к начальному периоду создания «Истории Российской». Оно является первым в ряду писем, в которых говорится о завершающем этапе работы над первоначальной редакцией «Истории Российской», наиболее важным из приведенных здесь, а возможно, и во

всем эпистолярном наследии В. Н. Татищева, поскольку главным делом его жизни и было написание своей «Истории», положившей начало русской исторической науке и обессмертившей его имя. Письмо это носит программный характер, сообщая не только о составе, содержании и степени готовности «Истории Российской» к 21 ноября 1739 г., но и раскрывая стимулы, которыми руководствовался историк, методы его работы, планы на будущее.

Письмо открывается известием о посылке при нем знаменитого «Предъизвещения» к «Истории Российской», которое В. Н. Татищев просил И. Д. Шумахера перевести, очевидно, на немецкий или латинский языки, бывшие тогда в ходу в академической среде, с тем чтобы «в Гистории древней искуснейшему, размотря, исправить». Так глубоко самокритично подходил историк к своему труду, отдавая его на рассмотрение академическим ученым. И далее следуют замечательные слова, из которых явственно предстает благородный облик историка, достойного «птенца гнезда Петрова», ищущего не славы себе лично, а стремящегося лишь к раскрытию исторической истины и бескорыстному служению возникающей русской исторической науке: «И как я из того (написания «Истории Российской». — *В. К.*) никакой славы или чести себе не исчу, ко Академии в дар оной мой труд предаю, так надеюся, что надлежащее в том исправление от оной не [о]скуднет». Эти слова В. Н. Татищева, обращенные к тогдашней императорской Академии наук, стали во многом пророческими, потому что подлинными хранителями его наследия явились советские ученые — историки, подготовившие на высоком научном уровне академическое издание «Истории Российской»⁵ и продолжающие в своих исследованиях дальнейшую разработку проблем, поставленных в его труде.

Из письма вырисовываются нелегкие условия, в которых приходилось работать В. Н. Татищеву. Он сетует на отсутствие у него писца для переписки готовой части «Истории Российской», но обещает тотчас выслать Примечания, переписка которых заканчивалась, «понеже и оные прежде равномерного с Предъизвещением рассмотрения требуют». Интересы дела всегда являлись главным в действиях историка.

Далее В. Н. Татищев делится с И. Д. Шумахером своими творческими планами относительно дальнейшей работы над «Историей Российской»: «Затем падбно бы за новую часть (В. Н. Татищев имсет в виду 1-ю часть. — *В. К.*)⁶ приняться, токмо все собранное по оной с заводов и Самары послано в Москву, которого без меня сыскать не можно. К тому же книги многие, необходимо нуждые, остались в заводах или же в Москве (Татищев в ноябре 1739 г. находился в Петербурге. — *В. К.*), а некоторых еше не выписано. И затем оную до времени принужден оставить, а намерение имею начать третью часть с прихода Баты до великого князя Иоанна II-го, токмо и того времени, хотя много имею готово, но к тому надбно иметь известие, какие тех времени в Сенате, Синоде и Академии Гистории есть, что с случаем могу требовать».

Таким образом, основная структура «Истории Российской» к ноябрю 1739 г. уже сложилась. По сути В. Н. Татищев пишет о трех частях, из которых должен состоять его труд:

440 1) от древнейших известий о славянах до летописного рассказа о призвании Рюрика (860 г.); 2) от 860 г. до нашествия татар (1237 г.);

3) «с прихода Баты до великого князя Иоанпа II-го» (Ивана III.— *В. К.*), т. е. до 1462 г.

В дальнейшем эта структура претерпела лишь отдельные изменения: была заменена 1-я часть «Предъизвещением», в связи с чем изменилась хронологическая грань между 1-й и 2-й частями и повествование распространено от 1462 до 1613 г. (4-я часть).

Из письма также совершенно определенно следует, что к ноябрю 1739 г. у В. Н. Татищева была готова 2-я часть «Истории Российской»⁷.

Хотя 2-я часть в своей первоначальной редакции и была написана, В. Н. Татищев проявлял заботу о ее совершенствовании, предлагая выписать из Финляндии дополнительные источники. Для 1-й же части, отложенной из-за отсутствия необходимых материалов, историку был особенно нужен какой-то «Лексикон», о котором он написал специальное письмо (оно не сохранилось) к «господину Поулину». «Поулин» или «Паулин» фигурирует и в письме В. Н. Татищева от 14 января 1740 г. В приписке к нему он обращается к Шумахеру с просьбой: «Письмо Паулину пожалуй прикажи надписать на конверте и ко мне прислать»⁸. Это — канцелярист Паули, который в это время работал в кунсткамере и библиотеке Академии наук⁹.

Характерно исключительное внимание историка к архивам. Имея уже «много готового» материала к 3-й части, В. Н. Татищев проявляет интерес к летописям («Гисториям»), хранящимся в Сенате, Синоде и Академии наук, прося у Шумахера разрешения пользоваться ими, где бы он ни находился («что с случаем могу требовать»). К подобной практике В. Н. Татищев прибегал и ранее. Так, в письме из Екатеринбурга к И. Д. Шумахеру от 15 августа 1735 г. он просил о высылке «старого киевского летописца, именуемого Феодосиева, что сверх прежних 3-х выдано»¹⁰. В письме от 21 декабря 1735 г. к тому же И. Д. Шумахеру содержалась просьба сделать и прислать ему копию с «Новгородской истории» (очевидно Новгородской первой летописи младшего извода.— *В. К.*), переданной им в Академию наук. Эта копия была ему «очень нужна для заполнения многих мест в Истории, особенно же для некоторых исправлений в родословии князей и хронологии,— в других книгах, и в первую очередь в так называемой Степенной, этого нет. Стрыйковский так же во многом расходится»¹¹.

Публикуемое письмо свидетельствует о том, что со времени службы В. Н. Татищева на уральских заводах и в Самаре были заложены основы его собственного рукописного собрания, которое пополнялось и в дальнейшем замечательными рукописями, но, к сожалению, погибло в огне пожара после смерти историка в его подмосковном имении¹². И, действительно, в цитированном выше письме к И. Д. Шумахеру от 21 декабря 1735 г. приведены одиннадцать названий древнерусских рукописей, помимо татарских летописей, которыми к тому времени располагал В. Н. Татищев «для русской истории»¹³.

В. Н. Татищев в своих странствиях по России списывал и приобретал рукописи всюду, где мог, и позднее. Так, в письме из Нижнего Новгорода от 12 сентября 1741 г. он сообщал, что просил местного губернатора помочь ему «купить или дать на время списать» летописец, находившийся у одного из нижегородцев. Здесь же он пишет, что ему сказали, что «в монастыре Макарьевском у старца есть також древней

летописец, для которого не премину заехать, чтоб достать пе жалея денег». А. И. Андреев, приведший это письмо, полагал, что «по-видимому, достать его не удалось»¹⁴. Однако не исключено, что это и была та уникальная летопись Иосифа, келейника патриарха Иова, «о разорении русском», которой воспользовался Тихон Желтоводский, создававший свою Латухинскую степенную как раз в Макарьевском монастыре. Позднее «История» Иосифа послужила одним из важнейших источников и для «Истории Российской», особенно для подготовительных материалов к ее 4-й части¹⁵.

Примечательны последние строки письма от 21 ноября 1739 г. В них проглядывает озабоченность В. Н. Татищева об отношении к его труду со стороны ученых-академиков, в большинстве иностранцев, как показали последующие события, небезосновательная: «При сем сообщая и даю на разсуждение Академии, сама ли похочет и с теми ли обстоятельствы или иначе, и со чины писать. Оное оставляю на Ваше разсуждение. Ежели разсудите, чтоб я писал, то прошу, по-немецки написав, ко мне прислать в такой силе, как заблагорассудите».

История рассудила по-своему. Первым русским историком стал, несмотря на служебные помехи, недоброжелательство вельмож, светских и духовных, страдания и, казалось бы, непреодолимые трудности, «безчиновный», с академической точки зрения, В. Н. Татищев, в своем невольном «болдинском уединении» завершивший дело всей своей жизни — «Историю Российскую»¹⁶, ставшую на века для всех тех, кому дорога русская историческая наука, высоким образцом бескорыстного и самоотверженного ей служения.

Публикуемое письмо находится в фонде Ф. В. Чижова (Отдел Рукописей ГБЛ, Чиж., 7, № 18, 1 л.). В машинописной описи фонда Ф. В. Чижова, составленной Н. К. Швабе и И. В. Козьминой в 1964 г., на с. 19 сказано: «Картон 7, № 18. Списание письма Василия Никитича Татищева к неустановленному лицу с обращением «Благородный господин советник, мой государь» от 21/XI 1732 г. о передаче Академии наук его труда по русской истории. Рукою Ф. В. Чижова».

Согласно картотеке Отдела рукописей ГБЛ, Ф. В. Чижов (1811—1877) — литератор, славянофил, издатель журнала «Вестник промышленности», учредитель Московского купеческого общества взаимного кредита, организатор Товарищества архангельско-мурманского срочного пароходства и других акционерных обществ.

Ознакомление с описью его фонда характеризует Ф. В. Чижова как человека широких интересов, хорошо образованного, много путешествовавшего по Европе. В картоне 8 имеется аннотированный каталог библиотеки Ф. В. Чижова (№ 1—6) на русском, французском, итальянском, английском и славянских языках (автограф). № 8 того же картона содержит перечень рукописей, находящихся в Париже и в Венеции, на французском, итальянском и латинском языках. Об интересе Ф. В. Чижова к русской истории свидетельствует его рецензия на книгу Дениса Зубрицкого «Критико-историческая повесть временных лет Червонной или Галицкой Руси» (М., 1845). Автограф без подписи (картон 7, № 10).

Копия письма В. Н. Татищева относится, очевидно, к 40-м годам XIX в. Делалась она, судя по характеру помет и воспроизведению подписи Татищева, с оригинала. То, откуда Ф. В. Чижов получил автограф письма В. Н. Татищева, и его дальнейшая судьба неизвестны.

- ¹ *Андреев А. И.* Труды В. Н. Татищева по истории России.— В кн.: В. Н. Татищев. История Российская, т. I. М.—Л., 1962, с. 25. Основанием для датировки послужило то обстоятельство, что в письме от 14 января 1740 г. говорилось, что Примечания уже посланы. (Архив АН СССР, ф. 934, оп. 1, д. 397, л. 322, прим. 1).
- ² Архив АН СССР, ф. 1, оп. 3, № 82, л. 24.
- ³ *Югг А. И.* Связи В. Н. Татищева с Академией наук.— В кн.: Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976, с. 359—360.
- ⁴ Вновь об этом письме Ивана IV В. Н. Татищев напоминает И. Д. Шумахеру в письме от 28 февраля 1740 г.: «Тако ж прошу и о письме царя Иоанна Васильевича, еже[ли] не утрачено, чтоб я мог хлопот сих избавиться». Архив АН СССР, ф. 934, оп. 1, д. 397, л. 325. (В копии А. И. Андреева, подготовившего в значительной мере переписку В. Н. Татищева за 1730—1750 гг. и письма к нему И. Д. Шумахера и других лиц). Речь идет, очевидно, о письме Ивана IV к казанскому и свияжскому архиепископу Гурию, которое он получил в бытность в Казани «от любомудрого и хвалы достойного бывшего губернатора князя Сергея Голицына» и поместил в редакции «Свода законов» начала 1750 — первой половины 1750 г. См.: *Татищев В. Н.* История Российская, т. VII. Л., 1968, с. 368—369, 385—387.
- ⁵ *Татищев В. Н.* История Российская, т. I—VII. М.—Л., 1962—1968 (под ред. А. И. Андреева, С. Н. Валка и М. Н. Тихомирова). После выхода в свет академического издания «Истории Российской» первоочередной задачей является подготовка и осуществление академического издания переписки В. Н. Татищева, научное значение которой трудно переоценить.
- ⁶ О последовательности своей работы над «Историей Российской» В. Н. Татищев подробно пишет в «Предъязвещении» к первой редакции своего труда. См.: *Татищев В. Н.* История Российская, т. IV, с. 38—39.
- ⁷ Предположение об этом применительно к более широким хронологическим рамкам (1739—1740 гг.) уже высказывалось в литературе.— См.: *Пешурч С. Л.* Русская историография XVIII в., ч. I. Л., 1964, с. 230—231.
- ⁸ Архив АН СССР, ф. 1, оп. 3, д. 31, л. 40 об.
- ⁹ Материалы для истории императорской Академии наук, т. IV, СПб., 1887, с. 233.
- ¹⁰ Архив АН СССР, ф. 934, оп. 1, д. 397, л. 183.
- ¹¹ Архив АН СССР, ф. 934, оп. 1, д. 397, л. 193.
- ¹² Каталог подмосковной библиотеки В. Н. Татищева опубликован П. Пекарским. См.: *Пекарский П.* Новые известия о В. Н. Татищеве. СПб., 1864, с. 56—63.
- ¹³ Архив АН СССР, ф. 934, оп. 1, д. 397, л. 194 об.—195.
- ¹⁴ *Андреев А. И.* Труды В. Н. Татищева..., с. 27.
- ¹⁵ *Корецкий В. И.* Мазуринский летописец конца XVII в. и летописание смутного времени.— В кн.: Славяне и Русь. К шестидесятилетию академика Б. А. Рыбакова. М., 1968, с. 282—290; *Он же.* «История Иосифа о разорении русском» — летописный источник В. Н. Татищева.— В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины, вып. V. Л., 1973, с. 251—285; *Он же.* К вопросу об источниках Лягухинской степенной.— В кн.: Летописи и хроники. М., 1974, с. 328—337.
- ¹⁶ *Валк С. Н.* В. Н. Татищев в своем болдинском уединении.— В кн.: Проблемы истории феодальной России. Сб. статей к 60-летию проф. В. В. Мавродина. Л., 1971, с. 208—209.

В. Н. Татищев И. Д. Шумахеру 24 ноября 1739 г.

Благородный господин советник,
мой государь!

При сем посылаю Пред[ъ]извещение Гистории руской, которое мню что перевести, и в Гистории древней искуснейшему, рассмотря, исправить. И как я из того никакой славы или чести себе не исчу, ко Академии в дар оной мой труд предаю, так надеюся, что надлежасчее в том исправление, от оной не [о]скуднет. Гисторию, если бы токмо писец был, то бы я готов [и ее]^a отдать, а примечания набело дописывают. 443

Но понеже и оные прежде равномернаго с Пред[ъ]извещением разсмотрения требуют, то не ожидая переписки Гистории пришло.

Затем надобно бы за новую часть приняться, токмо все собранное [мною]^б по оной с заводов и Самары послано в Москву, котораго без меня сыскать не можно, к тому же книги многие, необходимо нужные, остались в заводах^в или же^в в Москве, а некоторых еше не выписано. И затем оную до времени принужден оставить, а намерение имею па-чать третью часть с прихода Баты до великого князя Иоанна II-го, токмо и того времени хотя много имею готово, но к тому надобно иметь известие, какие тех времен в Сенате, Синоде и Академии Гистории есть, что с случаем могу требовать.

К сей же второй части потребно бы из Финляндии требовать сообще-ния. Особливо Лексикон к первой части нужен, того ради я к госпо-дину^г Поулину^д письмо написал^е. При сем сообщаю и даю на рассу-ждение Академии, сама ли похочет и с теми ли обстоятельствами или ина-че, и со чины писать. Оное оставляю на Ваше рассуждение. Ежели рассудите, чтоб я писал, то прошу по-немецки написав, ко мне прислать в такой силе, как заблагорассудите.

Я же пребываю Вашего благородия моего государя^ж послушный слуга

В. Татищев^з.

От 21 нов. 1739.

^а Слова *и ее* зачеркнуты и подчеркнуты точками.

^б Мною зачеркнуто.

^{в-в} Первоначально написано *еще*, затем исправлено на *или же*.

^г Далее написано (*к г-ну*).

^д *Поулину* подчеркнуто точками.

^е В рукописи *написав*.

^ж Далее написано, а затем зачеркнуто (*гдря*).

^з Подпись Татищева скопирована Ф. В. Чижовым под его руку.